

ИВАНОВ А. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ИВАНОВ Агафон Кириллович, родился в 1895 в станице Гребенской Шелковского уезда (из казаков). Окончил четыре класса гимназии. В 1913 — призван в армию, в 1914 — на фронте, в 1917 — окончил школу прапорщиков, в декабре — демобилизован из армии, вернулся в станицу, помогал отцу в хозяйстве. В 1919 — мобилизован в армию Деникина, в 1920 — перешел на сторону Красной армии в Крыму, 1921 — демобилизован, вернулся на родину, работал в советских учреждениях, с 1932 — бухгалтер колхоза "Восход". 13 мая 1933 — арестован, 24 июня — приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг.

В декабре 1935 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<27 декабря 1935>

«Екатерине Павловне Пешковой
"Помощь политзаключенным"
Москва, Кузнецкий мост, № 24

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам за советом и помощью, зная Вашу готовность содействовать восстановлению истины и справедливости во всяком деле.

Родился я в 1895 году в казаче-крестьянской середняцкой семье.

Окончил сельскую 2-х классную школу, а затем экстерном держал экзамены за 4 класса гимназии.

Действительную военную службу отбывал в Тверском областном правлении в качестве писаря. В это же время я хотел продолжить свое образование, готовясь к экзаменам за 6 классов гимназии.

Но возникшая Германская война была причиной того, что меня откомандировали в строй, а затем в Московскую 4-ую школу прапорщиков, которую я окончил в августе 1917 года в момент начавшегося развала старой армии.

В декабре того же года по мобилизации вернулся домой, в ст<аницу> Гребенскую Шелковского района, где помогал отцу в хозяйстве, выполняя все тяжелые физические работы, так как наемным трудом наша семья не пользовалась.

В 1919 году в период Деникинщины меня принудительно мобилизовали в армию, в которой пришлось исполнять обязанности командира взвода пехоты. Никакого желанья двигаться по службе я не обнаруживал и служил, скрепя сердце, выжидая первой возможности оставить службу. Образование мое осталось незаконченным, а в жизни я ни с какими партийными людьми не сталкивался, поэтому и сам не мог быть членом какой-либо партии. Кроме того, тогда был молод и неопытен. Не удивительно, что выхода из положения не видел. Но когда наш полк решил перейти в Крыму в Красную Армию, одним из первых перешедших был я. В Красной Армии был сначала казначеем 2-го рабочего полка при 4 армии в гор<оде> Мелитополе, затем на ту же должность перевели меня в полк ВЧК, стоявший в гор<оде> Керчи. В июне 1921 года был демобилизован.

Возвратившись на родину в Дагестан до дня ареста, непрерывно работал в советских учреждениях:

1921-1922 г<оды> секретарь, управделами, зав<едующий> складом Кизлярского Окрсобеса,

1922-1924 г<оды> секретарь Шелковского вол<остного> исполкома, заведующим почтово-вспомогательным пунктом,

1925-1929 г<оды> бухгалтер Шелковского с<ельско>х<озяйственного> кред<итного> тов<арищест>ва, дважды представленного на Всесоюзный конкурс товариществ и премированного в 1928 году 2000 рублей из капитала имени т<оварища> Владимирова и дипломом 2-й степени за всестороннюю отлично поставленную работу.

1930-1932 г<оды> бухгалтер Гребенского с<ельско>х<озяйственного> кред<итного> т<оварищест>ва и Гребенского сельпо,

1932-1933 г<оды> бухгалтер колхоза "Восход", учет которого за отсутствием работника отстал с момента слияния 5 колхозов (15/Х-31 г<ода>). Счетоводство его за период с ноября 1932 г<ода> по январь 1933 г<ода> мною было восстановлено, годовой отчет сдан своевременно (в конце февраля 1933 г<ода>), и продукты были распределены между колхозниками без нареканий и претензий.

Наряду с прямой работой по службе я постоянно выполнял всякие общественные нагрузки, содействовал развитию колхозного движения, помогая колхозникам в учете, и бесплатно в нескольких колхозах вел счетоводство, состоял членом колхоза "Восход" и хозяйство, оставшееся после смерти отца, обобществил.

13 мая 1933 г<ода> был арестован, и в июне того же года мне было предъявлено обвинение во вредительстве, которое усмотрели в отсутствии книги по животноводству в марте месяце 1933 г<ода>. Действительно, в момент обследования книги не было. Я не имел физической возможности обработать все документы после годового отчета, а, кроме того, все внимание тогда было уделено вопросу учета питания колхозников, связанному с недостатком продуктов в весеннюю посевную кампанию. Что касается учета движения стада, то он велся систематически и бесперебойно. Акты по движению стада своевременно и аккуратно поступали к делопроизводителю Дубровину А. Я., который по пятидневкам и по декадам давал статистические сводки в РайЗО. А раз сведения давались своевременно и бесперебойно, то о сокрытии движения стада, а тем более о каких-то злоупотреблениях или вредительстве не может быть и речи, так как во всякое время по документам все можно было проверить. Ведшие следствие сосредоточили все свое внимание исключительно лишь на акте обследования, устанавливающим отсутствие книги по животноводству, составленным инструктором МТС т<оварищем> Шиповым Я. Я. И только. Ни документов, ни сводок они не видали и не проверяли. А документы в корне опровергают всякое обвинение в возможности вредительства, злоупотребления и отсутствия учета. В этом заключается неполнота и односторонность следствия, не выявившего истинное положение дела. Все документы в настоящее время имеются в архиве, и по ним всегда можно доказать мою невиновность в отсутствии учета.

Несмотря на это, на меня наложили позорное пятно какого-то вредителя, каким я никогда не был, и по ст<атье> 57-7 УК осудили к 8-и летнему заключению в труд<овые> исправительные лагеря.

В своей жизни с самого раннего возраста я всего добивался упорным трудом. Ни в чем предосудительном никогда не был замечен. Под следствием и судом не состоял. Вредить никому и ничему не собирался, — поэтому мириться с незаслуженным положением какого-то преступника, да еще опасного (если судить по сроку, данному мне), я не могу. Ведь есть же возможность полного восстановления истины путем, хотя бы, пересмотра дела? Ведь и в лагерях я занимаю должность бухгалтера фермы, веду и контролирую учет и за свою работу, кроме благодарности от лагерного начальства, да дополнительных премий я ничего иного не получал. Никаким дисциплинарным взысканиям и порицаниям не подвергался. Войдите в мое положение — я не юрист и даже не имею среднего

законченного образования, осужден заочно Тройкой при Даг<естанском> ОО ГПУ 24/VI-33 г<ода>.

На основании всего вышеизложенного, прошу Вас сообщить – сможете ли Вы помочь мне обратиться с заявлением о пересмотре дела к Верховному Прокурору или в ЦИК и к кому лучше обратиться? Смею Вас заверить, что дарованной мне свободы я никогда во зло не обращаю.

Заклученный Иванов.

Адрес: ст<анция> Суслово, Томск<ой> ж<елезной> д<ороги>. Сусловский О<тдельного> Л<азерного> П<ункта> Сиблага НКВД. Бухгалтеру уч<астка>ка Перековка, з/к Иванову Агафону Кирилловичу.

27 декабря 1935 г<ода>.

Уч<асток> Перековка,

Сусловского ОЛП»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1510. С. 87-88. Автограф.